

Александр Широкоград

Друзья и враги России

ШВЕЦИЯ

ГРОЗА С БАЛТИКИ

Друзья и враги России

Александр Широкоград

Швеция. Гроза с Балтики

«ВЕЧЕ»

2008

ББК 63.3(2)

Широкорад А. Б.

Швеция. Гроза с Балтики / А. Б. Широкорад — «ВЕЧЕ»,
2008 — (Друзья и враги России)

В книге рассказывается о тысячелетней истории взаимоотношений России и ее северного соседа Швеции. Почему братские как в прямом, так и в переносном смысле отношения русских князей и варяжских конунгов к XIII веку перешли в непримиримую вражду? Что произошло на самом деле на Неве в 1240 году? Стал ли шведский король Магнус схимонахом Валаамского монастыря? Как шведы построили город Ниен в центре современного Петербурга, и почему Петр I хотел сделать его своей столицей, а потом передумал? Как оказалась на шведском престоле династия Бернадотов? Как нейтральная Швеция ухитрилась вести боевые действия против России в ходе обеих мировых войн?

ББК 63.3(2)

© Широкорад А. Б., 2008

© ВЕЧЕ, 2008

Содержание

Раздел I	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	30
Раздел II	38
Глава 1	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Борисович Широкоград

Швеция. Гроза с Балтики

© Широкоград А.Б., 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Раздел I

Дела давно минувших дней

Глава 1

От дружбы с варягами-язычниками к тотальной войне с крестоносцами

В лето 6370¹ от сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готладцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белозере, а третий, Трувор, – в Изборске».

«И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города»².

Вот так описано становление государственности на Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел и князь Рюрик – мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами.

На мой взгляд, независимо от личности самого конунга Рюрика, норманны вместе с местным населением создали Древнерусское государство, которое наши историки не совсем корректно назвали Киевской Русью. Об участии норманнов (варягов) в походах русских князей IX–XI вв., их роли в гражданской войне детей Владимира Красное Солнышко я рассказал в нескольких предыдущих книгах³. Здесь же речь пойдет лишь об отношениях русских и шведов.

---

¹ 862 год от Рождества Христова.

² Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

³ Дипломатия и войны русских князей. М.: Вече, 2006; Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М.: АСТ, 2007.

Варяжский всадник в восточноевропейском вооружении

Ряд историков считают, что князь Рюрик принес славянам «в приданое» южное побережье Финляндии, ранее контролируемое его людьми. О принадлежности к русам (то есть варяго-славянам) всего северного побережья Финского залива свидетельствуют не только скандинавские саги, но и находки археологов. Так, в Южной Финляндии были найдены сотни арабских монет VII–IX вв. Точно такие же монеты найдены в районе Старой Ладogi, Гнездовском городище, Киеве и нескольких пунктах на Волге. Наконец, район находок мечей, изготовленных мастерской мастера Ульфберта – юг Финляндии, Старая Ладога, Гнездово, Киев и некоторые места на Волге.

Ряд историков (прежде всего В.И. Паранин) полагают, что легендарный «Остров русов», воспетый скальдами, – это Карельский перешеек. В те далекие времена он действительно был островом: с запада его омывали воды Финского залива, с севера – протекавшая тогда от Выборга до Приозерска Вуокса, с востока – Ладожское озеро, а с юга – Нева.

Шло время, жители Новгорода постепенно колонизировали север.

В XI–XII вв. они заселили оба берега Невы.

Как писал советский историк А.В. Куза: «Первоначально... Новгороду были подчинены лишь Северо-Западное Приладожье и соседние лесные районы. Именно эти земли были поделены на погосты, а огромные пространства северной Карелии от Ботнического залива на западе до побережья Белого моря на востоке такого деления не имели. Но и туда вслед за осваивавшими их карелами постепенно внедрилась новгородская дань»⁴.

В XI–XII вв. племена в Финляндии, называемые на Руси емь, равно как и карелы, и чудь заволочная, регулярно платили дань Новгороду.

Русская колонизация угро-финских народов принципиально отличалась от немецкой и шведской колонизации. Русскую колонизацию можно назвать мягкой, в отличие от жесткой западной колонизации. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что жесткая колонизация сводилась к постройке на территории покоренных племен крепостей (замков), где жили рыцари и их свита. Окрестное население становилось крепостными этих рыцарей и прину-

---

⁴ Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., Наука, 1975. С. 188.

дительно христианизировалось. Туземцев, которые позже отходили от католичества, вешали, жгли на кострах и т. д.

«Остров русов»

Мягкая колонизация проводилась русскими совсем по-другому. Естественно, у русских были вооруженные столкновения с угро-финскими племенами. Но в целом колонизация происходила мирно. Русские не подавляли туземные племена, а, как сейчас модно говорить, занимали пустующую экологическую нишу. Слабое заселение северных земель позволяло русским внедряться почти безболезненно. Русские не делали туземцев своими крепостными или рабами; дань, наложенная на них, была очень мала. Обратим внимание, что новгородцы в XI–XIII вв. принципиально не строили крепостей и замков в районе реки Невы, в Карелии и Южной Финляндии. И, наконец, Русская православная церковь вела миссионерскую деятельность сравнительно вяло и только мирными средствами. Да по другому и быть не могло – в Новгородских землях царил большая веротерпимость, а значительная часть самих новгородцев в XI–XIII вв. были язычниками или полухристианами, то есть поклонялись как Христу, так и Перуну, и выполняли обряды обеих религий.

Шведы в XI – начале XII вв. эпизодически совершали набеги на Финляндию и Приневье. Слабость экспансии с Запада объясняется нестабильностью внутри Швеции, наступившей в 1066 г. после смерти короля Стенкиля. Борьба феодалов за власть усугубилась войной между христианами и язычниками.

Кроме того, Шведское королевство постоянно вело войны с норвежцами и датчанами. Последним, кстати, принадлежала южная часть Швеции, а на севере граница владений шведских королей до XIV в. кончалась 50-й параллелью.

Тем не менее отношения с новгородцами у шведов были очень напряженными. Шведские феодалы, да и простые жители прибрежных районов сделали пиратство одной из важнейших статей своего дохода. Ежегодно сотни немецких и новгородских торговых судов шли из Новгорода по Волхову, затем по Ладоге, Неве, Финскому заливу и Балтийскому морю в Любек и другие германские города, которые несколько позже объединятся в Ганзейский союз. Навстречу судам, плывшим на запад, естественно, плыли сотни судов в противоположном направлении.

Как известно, Балтийское море и Финский залив достаточно сложны в навигационном отношении. Там множество мелей, подводных камней и т. д. Шведские же феодалы ввели так называемое «прибрежное право», согласно которому выброшенное волнами на берег или даже просто севшее на мель судно считалось добычей местного населения. Как писал Алексей Смирнов: «Компасом в южной Европе начали пользоваться в начале пятнадцатого века, но европейский север отставал. “В этом море навигация осуществляется без компаса и морских карт, а лишь исключительно с помощью лоцмана”, – гласит описание Балтики на морской карте, составленной в 1458 г. итальянцем Фра Мауро.

Лоцманы вели корабли, ориентируясь на береговые знаки, к большой радости благочестивого местного населения. В церквях Готланда и Эланда, Аландских островов и Сааремаа прихожане даже пытались сделать своим сообщником Бога, прося его о помощи в разбойничьем ремесле. Вот, например, как выглядел текст одной из самых популярных молитв на острове Форё: “Благослови, Господь, наши поля и луга, наших служанок и батраков. Пошли нам рыбу в сети и корабль на берег. Пусть большой корабль налетит на скалы этой ночью!”

Если Бог не внимал, ему помогали, вводя экипажи в заблуждение фальшивыми огнями и ложными знаками. Когг садился на мель, островитяне убивали моряков, товар делили, а корпус пускали на дрова – большой дефицит на некоторых обжитых гранитных скалах. Через несколько часов нельзя было найти следов корабля и экипажа. Островитяне возвращались к мирному труду и молитвам»⁵.

Шведские феодалы организовали целые пиратские флотилии, нападавшие на новгородских купцов или их «гостей».

Вот типичное сообщение русского летописца: «В то лето [1142] приходил свенский князь с епископом в 60 шнеках, напав на купцов, пльвших из заморья в 3 лодьях, но не преуспел в том, купцы же, выйдя из 3 лодий, перебили их полтора человека»⁶. Позже историки установили имя князя, упомянутого в летописи. Им оказался Ион Сверкерссон, сын шведского короля Сверкера старшего. Имя епископа установить не удалось, но его действия типичны для католического духовенства. Я в своих книгах никогда не идеализировал православное духовенство, на его совести были и расправы с еретиками, и мздоимство, и симония, но вот пиратами и грабителями наши попы никогда не были.

Относительная стабильность в Швеции наступила в 1156 г., после избрания королем Эрика (Эйрика) Эдвардсона, вошедшего в историю под именем Эрика IX Святого.

Эрику Святому очень нужны были деньги, и посему он счел «своей священной обязанностью содействовать распространению христианства не только в своих владениях, но и в странах соседних. Тотчас по вступлении на престол с величайшей ревностью занялся он приготовлениями к походу и на другой же год (1156), сопровождаемый епископом упсальским Генрихом и многими монахами, во главе значительного ополчения внес крест и меч на берега Финляндии. Высадка произведена была на самой юго-западной оконечности, при устье реки Авра (Аугајокі), и там, где ныне стоит город Або»⁷. Там и была построена первая шведская крепость.

Успех Эрика в значительной степени был обусловлен слабостью обитавшего там финского племени Суомляна (Сумь по русским летописям). Часть суомлян, подвергшихся внезапному нападению, разбежалась по лесам, а часть подчинилась требованиям завоевателей и приняла крещение. Король Эрик, увидев, что предприятие его не требует особых усилий, на следующий год с большей частью войска возвратился в Швецию, а дело обращения язычников поручил епископу Генриху. Но финны рвеня епископа не оценили, и тому пришлось «принять мученический венец» и быть позже причисленному к лику католических святых.

В 1164 г. шведы провели смелый рейд на город Ладогу. 23 мая шведская флотилия через Неву прошла в Ладожское озеро. Шведское войско осадило город Ладогу. Ладожане сожгли свой посад, а сами с посадником Нежатою заперлись в каменном кремле и послали за помощью в Новгород. Шведы попытались взять кремль приступом, но были отражены с большими потерями и отошли к устью реки Вороной⁸ и устроили там укрепленный лагерь.

---

⁵ Смирнов А. Рассказы затонувших кораблей. Шведская история со дна моря. Стокгольм: Wahlstrom & Widstrand, 2002. С. 30.

⁶ Цит. по: Шарьмов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. СПб: Журнал «Нева», 2004. С. 75.

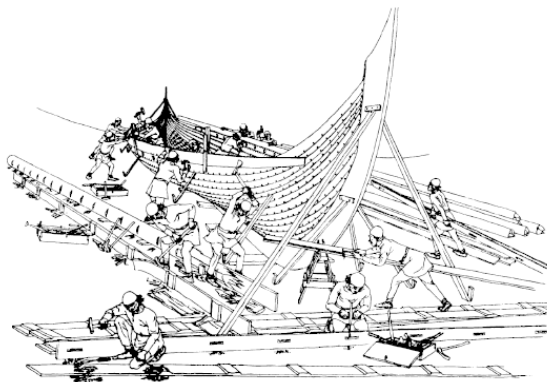
⁷ Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. М.: Российский архив, 2003. С. 62.

⁸ Речка, впадающая в Ладожское озеро меду Пашею и Сясю, современное название реки – Вороновка или Воронегга.

Через пять дней к лагерю шведов подошел новгородский князь Святослав Ростиславович с посадником Захарием. Атака русского войска оказалась для шведов неожиданностью. Большинство шведов были убиты или взяты в плен. Из 55 шнеков сумели уйти лишь двенадцать.

После этого стычек между шведами и новгородцами не было почти 20 лет. Шведы не рискнули прямо нападать на Русь, но продолжали захват финских земель. Впервые Финляндией заинтересовался и Рим. В 1171 г. папа Александр III отправил буллу архиепископу Упсальскому Стефану и шведскому ярлу Гутторну, где призвал «обуздать язычников карел и ижору».

Новгородцы же были втянуты «низовыми» князьями Рюриковичами в их усобицы и практически не реагировали на экспансию шведов. Лишь в 1188 г. в Центральную и Северную Финляндию ходили новгородские молодцы с воеводой Вышатай Васильевичем и «пришли домой поздорову, добывши полона». В 1191 г. ходили новгородцы вместе с карелами на емь, «землю их повоевали и пожгли, скот перебили». В 1227 г. князь Ярослав Всеволодович пошел с новгородцами на емь в Центральную Финляндию, «землю всю повоевали, полона привели без числа».

Строительство скандинавского корабля

Самый сильный удар шведам русские нанесли в ходе таинственного похода на шведскую столицу Сиггуну в 1187 г. Флотилия кораблей с новгородскими, ижорскими и карельскими воинами⁹ скрытно прошла по шведским шхерам к Сиггуне. Столица шведов была взята штурмом и сожжена. В ходе боя был убит архиепископ Ион. Надо сказать, что у русских и особенно у карел были веские основания разделаться с этим духовным лицом, которое «9 лет воевало с русскими, ижорой и карелами ради господина и святой веры».

Русско-карельская рать благополучно вернулась домой. Шведы даже не стали восстанавливать разрушенную Сиггуну, а начали строить новую столицу Стокгольм (Стадсхольм).

По преданию, город основан оставшимися в живых жителями Сиггуны. По обычаю предков они бросили в воду бревно и на острове, где его выбросило на берег, основали новый город. На шведском языке «стадс» – бревно, «хольмен» – город.

На самом же деле Стокгольм был основан вдовой архиепископа Иона¹⁰ и ярлом Биргером из рода Фолькунгов. (Читатель не должен путать этого Биргера с однофамильцем, противником Александра Невского, этот Биргер умер в 1202 г.). Место было выбрано на острове, которому, кажется, самой природой предназначено быть крепостью.

⁹ Здесь и далее автор имеет в виду представителей древнего прибалтийско-финского племени карела. Карелы являются потомками карелы и северных вепсов. – *Примеч. ред.*

¹⁰ Хорош католический архиепископ, он не только 9 лет воевал, да еще и жену имел вопреки всем канонам католической церкви.

Почему же поход 1187 г. назван таинственным? Дело в том, что о нем нет никаких упоминаний в русских летописях, а все сказанное взято из шведской «Хроники Эрика». При этом и шведские, и отечественные историки¹¹ считают «Хронику Эрика» вполне достоверной.

А в России сохранилось даже вещественное доказательство похода – врата, украшенные бронзовыми барельефами. Эти врата новгородцы вывезли из Сигтуны и приделали к входу в новгородский храм Святой Софии. Врата эти и поныне там, а копия их находится в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве.

Итак, русские разрушили до основания вражескую столицу и увезли много ценностей. Так почему же об этом молчат наши летописи? Да потому, что летописцы фиксировали буквально каждый шаг наших князей, а походы удалой новгородской вольницы предпочитали не замечать. Так было и потом. Много ли наши летописцы писали о победах ушкуйников над ордынцами?

Обратим внимание, молодцы новгородские оказались не только смелыми воинами, но и опытными мореходами, хорошо знающими шведские шхеры. Явно поход 1187 г. был не первым дебютом новгородской вольницы. Обратим внимание и на поддержку, оказанную новгородцам карелами, ижорой и другими угро-финскими племенами в борьбе с емью (тавастами) и шведами. Карелы ходили с новгородцами на емь не только в 1191 г., когда об этом говорит летопись. Согласно финской епископской хронике, в 1198 г. новгородцы совместно с карелой разгромили шведскую колонию Або, которая после этого не могла оправиться 10 лет.

Особо следует сказать о деятельности римских пап в организации крестовых походов на Русь. Недавно мне попала на глаза книга Александра Нестеренко «Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище», выпущенная в 2006 г. издательством «ОЛМА-ПРЕСС». Книга посвящена обличению Александра Невского и других русских князей. Автор ее – малограмотный русофоб. Он, к примеру, утверждает, что римские папы и другие иерархи католической церкви никогда не призывали к крестовым походам, и конкретных документов об этом никто не видел. Увы, все было наоборот. Организаторами и идейными вдохновителями походов на Восток были римские понтифики (папы) и их окружение. Нигде в священных книгах не говорится о том, что де учение Христа надо насаждать с помощью огня и меча. Но не следует забывать, что каждое языческое племя, обращенное крестоносцами в католичество, принуждалось к уплате церковной десятины в пользу Рима. Неудивительно, что христиан, отказывавшихся платить десятину папе, католические иерархи приравнивали к язычникам.

Вот характерное мнение католических иерархов в середине 40-х гг. XII в. Краковский епископ Матфей пишет к Бернарду Клервоскому (1091–1153), аббату монастыря в Клерво в Бургундии (позже Бернард будет объявлен святым): «Народ же русский, неисчислимым и многочисленностью подобный звездам, не блюдет правил православной (orthodoxa) [то есть католической] веры и установлений истинной религии. Не разумея, что вне католической церкви нет места для подлинного богослужения, он, как известно, позорно заблуждается не только в богослужении Тела Господня, но и в расторжении браков и перекрещивании [супругов], а также и других церковных таинствах. От самого начала своего крещения преисполненный всевозможными заблуждениями, а вернее сказать – еретическим нечестием, он исповедует Христа разве что по имени, делами же совершенно отвергает. Ведь не желая быть в согласии ни с Латинской, ни в Греческой церковью и отделившись от обеих, названный народ не причастен к принятию таинств ни по тому, ни по другому [обряду]». В итоге епископ Матфей призывает Бернарда лично явиться, чтобы своей «проповедью, что пронзает лучше меча обоюдоострого, истребить» ересь «на Руси, которая – словно другой мир»¹².

---

¹¹ Например, исследование «Хроники Эрика» в книге: Рыздзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия, IX–XIV вв. М.: Наука, 1978.

¹² Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 388.

Вроде бы пока речь идет о проповедях, но не будем забывать, что именно Бернард был одним из главных вдохновителей второго крестового похода 1147 г.

Мне возразят – это все слова: мало ли что написал в сердцах, а может быть спьяну, краковский епископ.

Ну, обратимся и к делам крестоносцев. В 1202 г. по призыву папы Иннокентия III начался четвертый крестовый поход, целью которого был Египет. Однако вместо борьбы с неверными крестоносцы напали на Константинополь – второй Рим, тогдашний центр православия. 12 апреля 1204 г. Константинополь подвергся невиданным в истории грабёжам: «...ворвались фряги в святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром и тябло разрубили, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем, а между ними – шишки, словно деревья, выше человеческого роста, и стену алтарную между столпами, и все это было серебряное. И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели. И похитили сорок сосудов больших, что стояли перед алтарем, и паникадила, и светильники серебряные, которых нам и не перечислить, и бесценные праздничные сосуды. И служебное Евангелие, и кресты честные, и иконы бесценные – все ободрали. И под трапезой нашли тайник, а нем до сорока бочонков чистого золота, и на полатях и в стенах и в сосудохранильнице – не счесть сколько золота, и серебра, и драгоценных сосудов. Это все рассказал я об одной лишь святой Софии, но и святую Богородицу, что на Влахерне, куда святой дух нисходил каждую пятницу, и ту всю разграбили. И другие церкви; и не может человек их перечислить, ибо нет им числа. Одигитрию же дивную, которая ходила по городу, святую богородицу, спас бог руками добрых людей, и цела она и ныне, на нее и надежды наши. А прочие церкви в городе и вне города и монастыри в городе и вне города все разграбили, и не можем ни их перечислить, ни рассказать о красоте их. Монахов и монахинь и попов обокрали, и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали из города»¹³.

Это свидетельства неизвестного очевидца – русского монаха, составившего «Повесть о взятии Царьграда Крестоносцами в 1204 году». Подобное ждало все русские города!

Резко контрастировало с этим отношение православных к католикам. Так, например, в Новгороде в XII–XV вв. находились сотни западных купцов, их служба и охрана. Многие из них жили на «немецком дворе» в Новгороде по много лет. Но вот что удивительно, в вольном Новгороде за всю историю не было погрома католиков, и вообще процветала веротерпимость.

Но вернемся к войне со шведами. Папа Гонорий III строжайше запретил всем католикам продавать русским и финским племенам оружие, железо, лошадей и даже дерево. Ослушникам Гонорий грозил отлучением от церкви.

Подбадриваемые папой шведы в начале лета 1200 г. захватили Березовые острова, расположенные вблизи невского устья. Там шведские суда могли в мае – июне дожидаться схода льда в Неве и начинать блокаду «дороги жизни» Господина Вольного Новгорода. Что произошло в конце 1200 г. и в первой половине следующего года – неизвестно. Но в Новгородской летописи под 1201 годом сказано: «Осенью пришли Варяги горою на мир и дали им мир во всем волею своей»¹⁴. Таким образом, мир заключен был «по всей воле новгородской». Из этого следует, что наши молодцы устроили шведам кое-какие неприятности.

В заключение главы, несколько забегаая вперед, стоит рассказать о тактике и стратегии борьбы новгородцев со шведами. Шведы со времен Эрика Святого действовали по шаблону: высадка десанта на юге Финляндии, на Карельском перешейке или на реке Неве, а затем немедленное строительство крепости. В дальнейшем сеть шведских крепостей с сильными гарнизоны позволяла контролировать этот район. Параллельно проводилось насильственное обращение местного населения в католичество.

---

¹³ Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году // Изборник. С. 287.

¹⁴ Цит. по: Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 78.

Новгородцы же принципиально не строили крепостей ни в устье Невы, ни на побережье Финского залива. Многие наши историки полагают, что новгородцы боялись, что эти крепости могут быть захвачены неприятелем и потом его будет очень трудно выбить. По мнению автора, такие суждения несерьезны. Взяли же русские в 1300 г. Ландскрону, построенную итальянскими инженерами, посланными самим папой римским.

Проблема заключалась в общественном строе Новгородской республики. Новгородцы в XIII–XV вв. использовали князей и их дружины в качестве наемных кондотьеров, по возможности не допуская их вмешательства во внутренние дела республики. Построив на Неве крепость, потребовалось бы содержать там сильный гарнизон. А кто бы дал гарантию, что начальник гарнизона не начнет заниматься рэкетом и брать дань с проплывающих русских и иностранных купцов, а также с жителей окрестных мест. В перспективе сей воевода мог объявить себя «незалежным» князем, а то и попытаться при поддержке какой-либо партии взять власть в Новгороде.

Итак, обратим внимание, что внешнюю политику Новгорода определяла его система правления. Как писал один из лучших знатоков истории Господина Великого Новгорода Н.И. Костомаров: «Вся масса жителей Великого Новгорода и Пскова, составляя целое собрание концов и улиц, пользовалась в обширном смысле правами самоуправленного государства; она разделялась на сословия, которых границы не были определены строгими юридическими правилами, но возникли из обстоятельств и течения жизни, изменялись и зависели от своенравного хода свободы. В обширном смысле жители делились на духовных и мирских: между теми и другими проводилась строгая черта. Сами же миряне составляют существенный подел на старейших и молодчих; первые назывались также вящие люди, передние люди, большие люди; последние назывались также меньшие люди, черные люди. При более разнообразных условиях общественной жизни являлись более дробные поделы, и в Новгороде обозначались следующие названия сословий: гридьба, княжеские дворяне, посадники, бояре, дети боярские, купцы, житые люди, земцы и собственно черные люди: смерды и холопы. Название дворян и гридьбы давалось только свите князя; люди, носившие это название, не принадлежали к новгородскому гражданству, не жили в городе, но пребывали на Городище»¹⁵.

Тут очень важно указать разницу в звании боярина на Руси XIII в. в Московском государстве XIV–XVII вв. и в Великом Новгороде. У нас в художественной литературе и даже в трудах историков в ходу штамп – «древний боярский род». Это очень удобный термин, и я сам скрепя сердце иногда им пользуюсь. Но, чтобы не вводить в заблуждение читателя, следует пояснить – если любой законный сын князя Рюриковича с момента рождения становился князем, то боярство в русских княжествах не передавалось по наследству. С таким же успехом можно сказать – «древний генеральский род». Но если папа был генералом, то карьера его сына вполне может кончиться чином капитана – то убьют, то за пьянство со службы выгонят. Так и сын боярина вполне мог закончить свою карьеру в чине стольника или окольничего. Боярин – это высший чин при дворе князя. Таким образом, под «боярским родом» следует понимать группу родственников, служивших при дворе князя, среди которых несколько человек получили боярство.

Тут я говорил о московской XIV–XVII вв. трактовке звания боярин. В удельных княжествах XIII в. боярами считались наиболее сильные и верные дружинники, командовавшие отдельными отрядами. Существовало даже право отъезда боярина к другому князю. Но, опять же, новый князь мог признать боярство приехавшего, мог в окольничие его записать, а то и «секиль башка» сделать.

В Господине Великом Новгороде боярином считался просто богатый человек из числа потомственных новгородцев. Причем знатность и богатство в Новгороде, в отличие от осталь-

---

¹⁵ Костомаров Н.И. Русская республика. М.: Чарли, 1994. С. 273–274.

Руси и Польши. А затем повторилась та же картина. Примерно два века потребовалось католической церкви, чтобы твердо закрепиться в Польше, а потом она начала натравливать поляков на восточных соседей. Опять поход на Восток во имя истинной веры. Результатом стал вековой антагонизм двух ветвей славянского народа, который, увы, достался нам в наследство в XXI в.

Глава 2

Князь Александр Невский в «житии» и в жизни

Рассказ об Александре Невском следует начать с 1225 г. В тот год новгородцы призвали к себе на княжение Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского. Ярослав был хорошим политиком, его отличали властолюбие и неразборчивость в средствах для достижения поставленных целей. В том же 1225 г. шведские и литовские феодалы напишут папе Гонорию III подобострастное письмо о том, что покоренные карела, ижора и воть страстно мечтают перейти в католичество.

Русские никогда не проводили принудительного обращения финских и карельских племен в христианство. Но тут крестоносцы «допекли» новгородцев, и зимой 1227 г. князь Ярослав Всеволодович идет походом на емь (тавастов, как их называют шведы) и в течение года устраивает массовое крещение карелы в православную веру.

Однако вскоре Ярослав поругался с новгородцами, и в следующем 1228 г. ему был «показан путь». А взамен новгородцы призвали князя Михаила Черниговского.

Однако Михаил Всеволодович оказался честолюбивым проходимцем, его мало волновали интересы Новгорода, а больше занимали интриги на юге Руси. Новгородское вече «показало ему путь», и в 1230 г. новгородцы вновь позвали на княжение Ярослава Всеволодовича. Князь провел в Новгороде всего две недели и уехал в свой удел в Переяславль Залесский, оставив вместо себя двух старших сыновей – одиннадцатилетнего Федора и десятилетнего Александра. За три года их пребывания в Новгороде шведы вели себя достаточно тихо. Однако в конце 1230 г. в городе начался голод. Как сказано в летописи: «Избил мороз... изобилие в волости нашей, и оттого установилось великое горе. Начали покупать хлеб по восьми кун, а кадушку ржи по двадцати гривен, а во дворах – по пятнадцати, пшеницу – по сорока гривен, а пшено – по пятидесяти, а овес – по восемнадцати гривен. И разбрелись [жители] города нашего и волостей, и полны были чужие грады и страны братьями нашими и сестрами, а оставшиеся начали умирать. И кто не прослезится об этом, видя мертвецов, по улицам лежащих, и младенцев, поедаемых псами...»¹⁶

Голод продолжался до июля 1231 г., когда по Волхову прибыли первые ганзейские ладьи, и «отворил Господь милосердие свое на нас, грешных, сотворил вскоре милость: пришли Немцы из заморья с житом и мукою, и сотворили много добра, а город уже был при скончании дней своих»¹⁷.

Спору нет, ситуация здесь была форс-мажорная, тем не менее этот случай показывает зависимость Новгорода от внешней торговли.

В 1233 г. Ярослав Всеволодович решил женить старшего сына. Невестой четырнадцатилетнего Федора стала Феодулия, дочь князя Михаила Черниговского.

5 июня 1233 г. на свадебном пиру в Новгороде князь Федор внезапно умер. Его погребли в Юрьевском монастыре под Новгородом. Грустная, но ordinaria история из тех, которые мало интересуют даже историков, занимающихся XIII веком. Однако смерть Федора была лишь началом таинственных, романтических и даже скандальных событий, и к ней мы вернемся, рассказывая о Смутном времени.

После смерти брата Александр стал единственным князем в городе. Вскоре над вольным Новгородом нависла страшная угроза и с Запада, и с Востока.

9 декабря 1237 г. папа Григорий IX отправил главе шведской церкви архиепископу Упсалы буллу с призывом совершить крестовый поход на «язычников»-емь (тавастов):

---

¹⁶ Цит. по Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 79.

¹⁷ Там же.

«Поскольку, как это следует из содержания присланных нам ваших писем, народ, который называется тавасаты, в свое время великим трудом и рвением вашим и ваших предшественников обращенный в католическую веру, сейчас под воздействием рядом живущих врагов креста, вернувшись к неверию прошлого заблуждения, вместе с некоторыми варварами [русскими? – А.Ш.] при содействии дьявола полностью разрушает новый посев Церкви Божьей в Тавастии... мы предписываем вам, брат наш, настоящим апостолическим посланием, чтобы вы спасительными предписаниями побудили католических мужей, сколько их живет в упомянутом Королевстве [Швеция] и на соседних островах, чтобы они, взяв на себя знак креста, против этих отступников и варваров мужественно и мощно выступили»¹⁸.

А через четыре месяца к Новгороду двинулись орды Батыя. Татары осадили пограничный с Новгородскими землями город Торжок (примерно в 270 км от Новгорода).

Как гласит Тверская летопись, татары окружили весь город тыном, «также как и другие города брали, и осаждали окаянные город две недели. Изнемогли люди в городе, а из Новгорода им не было помощи, потому что все были в недоумении и в страхе. И так поганые взяли город, убив всех – и мужчин и женщин, всех священников и монахов. Все разграблено и поругано, и в горькой и несчастной смерти предали свои души в руки господя месяца марта в пятый день, на память святого Конона, в среду четвертой недели поста. И были здесь убиты: Иванко, посадник новоторжский, Аким Влункович, Глеб Борисович, Михаил Моисеевич. А за прочими людьми гнались безбожные татары Селигерским путем до Игнатьева креста и секли всех людей, как траву, и не дошли до Новгорода всего сто верст. Новгород же сохранил бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и молитвы святых правочерных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных монахов иерейского чина»¹⁹.

Забавно, что сейчас вновь объявились сторонники «небесной версии». Так, Ю.В. Кривошеев пишет: «... вмешательство божественных сил (самого Творца, святой Софии, Кирилла и других святых православной церкви) свидетельствует о каких-то неведомых и самим этим силам причинах божественного происхождения не появления монголов под стенами волховской столицы»²⁰.

Сей пассаж я оставляю без комментариев, лишь замечу, что труд Кривошеева редактировал профессор и рецензировали еще два профессора, да и вообще он напечатан по постановлению Редакционного совета Санкт-Петербургского университета.

А более прагматически настроенные историки вот уже 200 лет спорят, кто помимо сил небесных спас Новгород. Так, С.М. Соловьев пишет, что татары, «не дошедши ста верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку на степь»²¹. И эта осторожная фраза вскоре превратилась в каноническую версию и вошла в наши школьные учебники. Кто-то говорит, что в боях с русскими татары были обескровлены и побоялись идти на Новгород.

Историк В.В. Каргалов утверждает, что татары вообще не собирались брать Новгорода, а до Игнатьева креста дошел лишь небольшой татарский отряд, преследовавший беглецов из Торжка.

Булгарские же летописи дают весьма четкое и недвусмысленное объяснение. Дело в том, что еще в конце 1237 г. в Новгород была прислана грамота с печатью Великого хана с обещанием не разорять город, если новгородцы не будут помогать великому князю владимирскому. Князь Александр Ярославич, городские и церковные власти (три независимые силы Новгорода)

---

¹⁸ Там же. С. 80

¹⁹ Воинские повести древней Руси / Составитель Н.В. Понырко, Л.: Лениздат, 1985. С. 91.

²⁰ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. С. 162–163.

²¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Кн. II. С. 142–143.

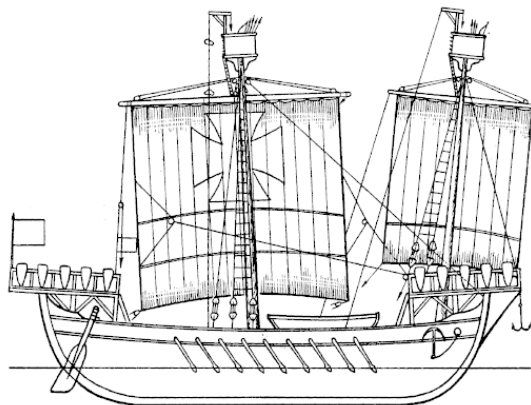
дали согласие и действительно держали строгий нейтралитет, пока татары громили северо-восточные русские земли.

Косвенно болгарская версия подтверждается тем, что все наши древние источники молчат о деятельности Александра Невского в Новгороде с января по май 1238 г. Так или иначе, но Ярослав Всеволодович вступил в сговор с татарами и получил от них ярлык на Великое княжество Владимирское²².

В 1239 г. в Новгороде Александр Ярославич женился на Александре (по другой версии Параскеве) Брячиславне. Происхождение ее неизвестно. Но по летописным данным, ее отец, Брячислав Василькович, сын полоцкого князя Василька Брячиславича, о жизни и деятельности которого историкам ничего не известно.

В начале лета 1240 г. шведская эскадра с десантом вошла в Финский залив. Командовал ею ярл Биргер (об имени шведского воеводы мы еще поговорим). Достоверные данные о численности шведского войска отсутствуют, хотя в трудах наших историков и всплывают неведомо откуда появившиеся числа. Так, И.А. Заичкин и И.Н. Почкаев²³ пишут о пятитысячном войске и 100 кораблях ярла Биргера.

Согласно «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра», Биргер, прибыв с войском в устье Невы, отправил в Новгород своих послов заявить князю: «Аще можещи противитися мне, то се есмь уже зде, пленяя землю твою». Это, по-видимому, интерполяция составителя «Повести о житии...», поскольку внезапность нападения зачастую была решающим фактором в сражениях на севере.

Шведский корабль XIII – начала XIV в.

На самом деле шведов заметила новгородская «морская охрана». Эту функцию выполняло ижорское племя во главе со своим старейшиной Пелугием. По версии «Повести о житии...», Пелугий-де был уже православным и имел христианское имя Филипп, а все остальное племя оставалось в язычестве. Морская стража ижорцев обнаружила шведов еще в Финском заливе и быстро сообщила о них в Новгород. Наверняка существовала система оперативной связи устье Невы – Новгород, иначе само существование морской стражи становится бессмысленным. Возможно, это была оптическая система связи – огни на курганах; возможно – конная эстафета; но, в любом случае, система оповещения срабатывала быстро.

В дальнейшем морская стража вела скрытое наблюдение за шведскими кораблями, вошедшими в Неву. В «Повести о житии...» это описано следующим образом: «Стоял он

²² Подробнее об этом рассказано в моей книге «Русь и Орда» (М.: Вече, 2005).

²³ Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. Популярный очерк. М.: Мысль, 1992. С. 128.

(Пелугий) на берегу моря, наблюдая за обоими путями²⁴, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял, трепетен, пока насад не скрылся с глаз его».

Князь Александр, которому было около 20 лет²⁵, быстро собрал дружину и двинулся на ладьях по Волхову к Ладоге, где к нему присоединилась ладожская дружина.

Ярл Биргер находился в полном неведении о движении новгородской рати и решил дать отдых войску на южном берегу Невы у впадения в нее реки Ижоры.

15 июля 1240 г. «в 6-м часу дня»²⁶ русское войско внезапно напало на шведов. Согласно «Повести о житии...», Александр Ярославович лично ранил копьем в лицо ярла Биргера. Внезапность нападения и потеря командующего решили дело. Шведы стали отступать к кораблям. В «Повести о житии...» описаны подвиги шестерых русских воинов.

Первый, Гаврила Олексич, въехал на коне по сходням на шведское судно (шнеку) и стал рубить там врага. Шведы сбросили его с коня в воду, но он вышел из воды невредим и снова напал на врага. Вторым, по имени Сбыслав Якунович, новгородец, много раз нападал на войско шведов и бился одним топором, не имея страха, и пали многие от его руки, и дивились силе и храбрости его. Третьим, Яков, полочанин, был ловчим у князя. Он напал на полк с мечом, и похвалил его князь. Четвертым, Меша, новгородец, пеший со своей дружиной напал на корабли и утопил три корабля. Пятым, Сава, из младшей дружины, ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек шатерный столб. Шестым, Ратмир, из слуг Александра, бился пешим одновременно с несколькими шведами, пал от множественных ран и скончался.

Эти сведения можно считать достаточно достоверными, поскольку они были записаны автором со слов участников Невской битвы.

С наступлением темноты большая часть шведских судов ушла вниз по течению Невы, а часть была захвачена русскими. По приказу Александра два трофейных шнека были загружены телами убитых, и их пустили по течению в море и «потопиша в море», а остальных убитых шведов, «ископавши яму, вметавша их в ню без числа».

Потери русских оказались ничтожно малыми, всего 20 человек. Этот факт, а также отсутствие упоминаний о Невской битве в шведских хрониках, дали повод ряду русофобствующих историков свести битву до уровня малой стычки. По моему мнению, гибель 20 отборных ратников при внезапном нападении – не такая уж и малая потеря. Кроме того, в сражении на стороне русских должна была участвовать и ижора. После битвы православных русских и язычников ижоры хоронили в разных местах и по разным обрядам. (Ижорцы кремировали тела своих соплеменников.) Поэтому русские участники битвы вряд ли знали, сколько было убитых среди ижоры.

Другой вопрос, что число шведов, пришедших с Биргером, могло быть меньше, чем предполагали наши патриоты-историки. Их вполне могло быть около тысячи человек. Но, в любом случае, Невская битва стала шведам хорошим уроком.

В XX в. ряд историков высказали сомнение в том, что предводителем шведов был именно ярл Биргер. Ни русские летописи, ни «Житие Александра Невского» не называют имени шведского предводителя. Полтораэта лет назад один из основателей финской исторической науки Габриэль Рейн высказал мнение, что, поскольку в Новгородской летописи упоминаются нахо-

---

²⁴ Видимо, речь идет о Большой и Малой Неве.

²⁵ Точная дата рождения Александра Невского является предметом спора между историками.

²⁶ Через 6 часов после восхода солнца (под древнерусскому времени), т. е. в 11 часов утра.

дившиеся в составе шведского войска «бискупы» (епископы), здесь подразумевался руководивший тогда шведской колонией в Финляндии энергичный и решительный епископ Томас. С тех пор и до первых десятилетий XX века это мнение прочно вошло в финскую науку, где Невский поход 1240 г. стали называть «походом епископа Томаса»²⁷.

Это, кстати, косвенно подтверждается и русской летописью: «И был убит воевода их именем Спиридон»²⁸, а другие говорят, что и епископ был убит тут же».

Откуда же взялся на Неве ярл Биргер? Его ввел в начале XIX в. первый мэтр отечественной истории Н.М. Карамзин. Как писал И.П. Шаскольский: «Карамзин обнаружил это имя в тексте нелетописного источника начала XV в. – “Рукописания Магнуша, короля Свейского”». Это апокрифическое завещание шведского короля Магнуса, будто бы написанное им перед смертью в 70-е годы XIV в. В нем Магнус перечисляет завершившиеся поражениями шведские походы на Русь XIII–XIV вв. (походы на Неву 1240, 1300 гг. и его собственный поход 1348 г.), считает попытки нападения на русские земли обреченными на неудачу и завещает “своим детям и своей братье и все земле Свейской” никогда больше не нападать на Русь. “Рукописание Магнуша” – не историческое сочинение, а созданные анонимным новгородским книжником начала XV в. [плохо разбиравшегося в событиях середины XIII в. – А.Ш.] памятник литературы»²⁹.

На самом деле в 1240 г. Биргер был еще простым рыцарем, а титул ярла он получил лишь в 1248 г. Ярлом же в 1240 г. был его родственник Ульф Фаси. По мнению Шаскольского, весьма вероятно, что именно Ульф Фаси и возглавлял шведов в Невской битве.

Возможно, что Биргер и принимал участие в Невской битве 1240 г., но только в качестве простого рыцаря. А вот в качестве ярла он отправится в крестовый поход на Новгородскую землю в 1249 г.

Ну а дабы немного потешить читателя, приведу и взгляд на Невскую битву современного либерала, уже знакомого нам Александра Нестеренко. По его мнению, Александр Ярославич поступил очень нехорошо.

«Шведы ни на кого не напали, не грабили. Просто стояли лагерем. Может быть, на берегу Невы и Ижоры расположился обыкновенный купеческий караван поторговать с туземцами (особенно если предположить, что в этом месте действительно было ижорское поселение)?..

...разбив лагерь и установив шатры, шведы демонстрировали всем, что они пришли с миром. Торговать, а не воевать. Почему же тогда Александр напал на шведов? Летопись не дает ответа на этот принципиальный вопрос. Она только бездоказательно обвиняет шведов во враждебных намерениях. Подозревать можно кого угодно и в чем угодно. Но это вовсе не повод для внезапного нападения.

Если оставить без ответа вопрос о причинах нападения на шведский лагерь, то придется признать, что мирные шведы стали жертвой разбойного нападения со стороны русских»³⁰.

Какие аргументы приводит в пользу своей версии господин Нестеренко?

«В пользу этой версии говорит то, что шведы установили в своем лагере шатры. Если бы им угрожала опасность или они куда-нибудь торопились, то они не высаживались бы на берег и не обустроивали лагерь, а оставались на своих ладьях»³¹. И... всё! Больше никаких аргументов! В общем, русские такие бяки. Приходили к ним Карл XII и Наполеон тоже торговать и тоже

---

²⁷ Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. Helsingfors, 1839.

²⁸ Кто такой «воевода Спиридон» – установить не удалось. Во всяком случае, воеводы с таким именем у шведов быть не могло.

²⁹ Князь Александр Невский и его эпоха / Под ред. Ю.К. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб: Дмитрий Буланин, 1995. С. 18.

³⁰ Нестеренко А.Н. Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 34–35.

³¹ Там же. С. 34.

шатры ставили. А русские опять совершили «разбойничьи нападения» и зверски побили оных купцов.

Думаю, если бы существовала машина времени, то предводитель шведского войска на Неве, что Биргер, что Спиридон, узнав, что его рыцаря некий писака определил в купцы, велел бы вздернуть этого господина на ближайшем дереве, и хорошо еще, если за шею.

Отдохнули? Ну ладно, а теперь вновь перейдем к делу. В 1249 г. шведский король Эрик созвал «и рыцарей, и тех, кто близки к рыцарскому званию, а также крестьян и вооруженных слуг»³², (то есть объявил тотальную мобилизацию для похода на тавастов (емь)). Командовать войском король поручил Биргеру. Несколько десятков шведских кораблей пересекли Ботнический залив и высадили в Финляндии большое войско. Естественно, тавасты не стали в открытом бою противостоять численно превосходящему и лучше вооруженному шведскому войску. Шведы учинили кровавую бойню. «Всякому, кто подчинился им, становился христианином и принимал крещение, они оставляли жизнь и добро и позволяли жить мирно, а тех язычников, которые этого не хотели, предавали смерти. Христиане построили там крепость и посадили своих людей. Эта крепость называется Тавастаборг – беда от нее язычникам!.. Ту сторону, которая была вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял»³³.

Где находилась крепость Тавастаборг (другое название – Тавастгус), и поныне спорят финские историки. Некоторые считают, что это по сей день существующий средневековый каменный замок в городе Хяменлинна³⁴. Однако Хяменлинна не очень похож на «детинец», описанный в летописи: судя по летописи, «детинец» стоял на высокой и крутой горе³⁵, в то время как замок в Хяменлинне стоит на небольшой возвышенности, всего на несколько метров возвышающейся над уровнем окружающей местности. К летописному описанию более подходит городище Хакойстенлинна, расположенное в той же части земли еми, в местности Янаккала. Городище это находится на крутом и высоком скалистом неприступном холме. Отметим, что «Хроника Эрика» признает, что, во-первых, тавасты до шведского вторжения были русскими, точнее, новгородскими подданными, а во-вторых, русские не пытались силой навязывать тавастам (еми) христианство, и они в подавляющем большинстве оставались язычниками.

Вслед за тавастами шведам удалось покорить племена сумь, жившие на юго-западе Финляндии.

В 1256 г. шведы, датчане и финские племена предприняли поход в Северную Эстляндию и начали восстанавливать крепость Нарву на правом берегу реки. Эта крепость была основана в 1223 г. датским королем Вальдемаром II, но позже разрушена новгородцами.

Новгородцы в 1256 г. не имели князя, поэтому им пришлось послать гонцов во Владимир за Александром Невским. Зимой 1256/57 г. Александр с дружиной прибыл в Новгород. Собрав новгородские войска, Александр отправился в поход. Как говорит летописец, в войске никто не знал, куда идет князь. Александр выбил шведов и К^о из Копорья, но далее двинулся не на чудь, как думало все войско и неприятель, а на емь, то есть не в Эстляндию, а в Центральную Финляндию. Как гласит летопись: «...и бысть зол путь, акы же не видали ни дни, ни ночи». Да, дни зимой в Центральной Финляндии крайне коротки. Несмотря на это, русские побили шведов и подвластных им тавастов и с большой добычей и полоном вернулись домой. Крепость Тавастаборг взята не была, но этот поход Александра надолго отбил у шведов охоту совершать набеги на новгородские земли.

---

³² Хроника Эрика.

³³ Там же.

³⁴ Drake K. «Die Burg Hämeneenlinna im Mittelalter», 1968, s. 11; «Mikä oli Vanain linna?» – In: Arx Tavastica. Hämeenlinna, 1967, s. 24–38; Juva E., Juva M. «Suomen kansan historia», Helsingissä, 1964, s. 151.

³⁵ Новгородская летопись говорит о «детинце»: «... баше бо место велми силно, твердо, на камени висоце, не имея при-ступу ниоткуда же».

Глава 3

Крестовые походы маршала Кнутссона

В трудах царских и советских ученых с 1277 г. начинается новый период развития отечественной истории. Что же произошло в 1277 году? Да обычное ординарное событие – младший сын Александра Невского шестнадцатилетний Даниил получил в удел небольшой городок Москву. С этого момента в виртуальной истории отечества, созданной царскими и советскими сказочниками, этот город становится пупом земли Русской, а деятельность потомков Даниила становится магистральным направлением нашей истории. С этого момента и Господин Великий Новгород, и Смоленское, и Рязанское княжества, и вся Юго-Западная Русь становятся периферией, а события в этих регионах занимают наших историков постольку, поскольку это касается истории Москвы.

Я же попытаюсь рассказать о событиях «на обочине» официальной истории, которые тем не менее в значительной степени определяли судьбу нашего отечества.

Начну с отражения вольным Новгородом крестовых походов шведов. Нравится нам или нет, но в подлинной истории Новгорода битва на Неве в 1240 г. была лишь эпизодом. Как мы уже видели, свеи унялись лишь на несколько лет. Другой вопрос, что отражение агрессии с севера после Александра Невского мало интересовало наши историков³⁶.

Во второй половине XIII в. шведы продолжали грабить купеческие караваны на пути из ганзейских городов в Новгород. Причем, они не ограничивались Финским заливом, а периодически заходили в Неву и в Ладожское озеро. Так, согласно Новгородской летописи, в 1283 г. шведские суда прошли Невой в Ладожское озеро и начали грабить новгородцев и «обонежских» купцов. На перехват разбойников из Ладоги вышли русские суда и побили их.

В следующем 1284 г. уже большой отряд шведов на лойвах и шнеках³⁷ под командованием воеводы Трунда вошел в Ладожское озеро и начал грабить прибрежные карельские поселения.

Новгородская дружина под началом посадника Семена Михайловича Смена соединилась с ладожской дружиной под началом посадника Матвея, кстати, сына Семена Михайловича, и двинулась на шведов.

Русские устроили засаду в устье Невы. Когда дружинники Трунда чувствовали себя почти дома, 9 сентября на них внезапно напали новгородцы и ладожане. Уйти удалось совсем немногим. Надо ли говорить, что если бы русскими командовал Даниил Московский, а не новгородский посадник Смен, то в школах бы зубрили на одну, а две Невские битвы – 1240 и 1284 гг. Но, увы, увы...

В 1292 г. молодцы новгородские пошли походом в Емскую землю (Тавасттисидию), контролируемую шведами. Согласно новгородскому летописцу, они завоевали всю Емскую землю и с богатой добычей «все здравы» вернулись назад. В том же году 800 шведов вошли на судах в Неву. Далее отряд разделился на две половины: одна часть начала грабить южный берег Невы, а другая – северный. Не дожидаясь прихода новгородцев, ижора и карела сами расправились с грабителями.

В следующем 1293 г. шведы начинают очередной крестовый поход. Возглавил его фактический правитель страны марскалк (маршал)³⁸ Торгильс Кнутссон. Время рождения и происхождения его неизвестно. Видимо, он происходил из мелких дворян Вестергетланда (область в Швеции). В 1288 г. Кнутссон был посвящен в рыцари, а в 1289 г. стал марскалком. В декабре

---

³⁶ Разумеется, речь не идет ряде узкоспециальных работ, как, например, работы И.П. Шаскольского и др.

³⁷ Лойва – легкое речное гребное судно; шнек – морское судно, обычно использовалось как грузовое.

³⁸ Marscalcus regni – высшее воинское звание в Швеции в XIII–XV вв.

1290 г. умер шведский король Магнус Ладулос³⁹, оставив трех малолетних сыновей – Биргера, Эрика и Вальдемара. Официально королем был провозглашен Биргер, но до его совершеннолетия власть находилась в руках регентского совета. Фактически же всем распоряжался Кнутссон.

17 мая 1293 г. шведский ледунг (морское ополчение) во главе с Кнутссоном⁴⁰ отправился в крестовый поход к берегам Финского залива. Шведы подошли к небольшой русской крепости Выбор у впадения реки Вуоксы в Финский залив. Тут стоит сделать небольшой экскурс в географию. Ладожское озеро в Средние века соединялось с Финским заливом двумя реками – Невой и Вуоксой. Естественно, что самым быстрым и удобным был путь по Неве. На Вуоксе и озерах, через которые пролегал «вуокский путь», было много мелей, подводных камней и т. д. Тем не менее по «вуокскому пути» купцы ходили еще в VIII–IX вв., что подтверждается в том числе находками арабских монет VII–IX вв. в районе Приозерска. Таким образом, на Карельском перешейке было четыре стратегических пункта, контролировавшие коммуникацию Финский залив – Ладога. Это Невское устье и крепость Орешек у истоков Невы, а также место соединения рукава реки Вуоксы с Финским заливом и крепость Карела при впадении Вуоксы в Ладожское озеро.

Шведы то ли штурмом овладели укреплениями Выбора, то ли русские заранее оставили городок, сейчас установить невозможно. Заняв этот стратегический пункт, Кнутссон велел построить каменную крепость на небольшом островке Линнан-Саари (размером всего 1700 на 122 м). Этот островок контролировал речной путь в реку Вуокса и, соответственно, в Ладожское озеро. Шведы назвали крепость Выборгом. В рифмованной «Хронике Эрика», написанной спустя 30 лет после основания Выборга, говорилось:

*Пошли они в языческий предел,
тем положив конец большой беде
(ведь слишком близко подходили к ним
язычники с намерением злым).
И крепость возвели они свою
владений христианских на краю,
на краешке языческой земли —
и добрый мир в ту местность принесли:
пришли туда покой и тишина,
и Богу нынче молится страна,
и много пленных вызволили тут.
Теперь ту крепость Выборгом зовут,
к востоку обращенную, как щит.
Беда у стен языческих стоит —
и меньше нынче русские смогли
там сохранить подвластной им земли.
Из камня крепость выведя тогда,
в обратный путь пустились господа,
оставив фогта, коему страшны
не стали злые люди той страны:
он, не боясь, на ярость их смотрел —
и покорил язычников-карел,
и в скорый срок к ногам его легли*

---

³⁹ Ладулос – амбарный замок (швед.).

⁴⁰ Некоторые историки, в т. ч. И.П. Шаскольский, утверждают, что Кнутссон лично не участвовал в походе.

*четырнадцать погостов той земли*⁴¹.

Замечу, что строили крепость не сами шведы, а сотни или даже тысячи насильно согнанных туда карел. Вестернский епископ Педер Элкви приступил к принудительному крещению карел по католическому обряду.

До прихода Кнутссона все карельские племена были подданными Господина Великого Новгорода. Большинство карел оставалось язычниками, крестились они только по своей воле. Точных данных о числе православных карел нет, но они составляли не менее 20 процентов от общего числа. Новгородская администрация никого не принуждала креститься, но создавала для этого все условия – посылала миссионеров, строила церкви, основывала монастыри, как, например, знаменитый Валаамский монастырь⁴².

Был ли Торгильс Кнутссон основателем Выборга – вопрос довольно спорный. Во всяком случае, ни в одном шведском или русском документе XIII–XV вв. нет упоминаний о личном участии Кнутссона в строительстве Выборга и даже о пребывании в нем. Тем не менее в конце XIX в. финские националисты начали прославлять Кнутссона. Естественно, все знали, сколько им было убито предков современных финнов, но чего не сделаешь в пику «этим проклятым русским». Поэтому не случайно в 1862 г. одна из новых улиц города, вскоре ставшая главной, получила название Торкельской (затем переименованная в проспект им. Ленина), а в 1887 г. известный финский скульптор Вилле Вальгрен изваял скульптуру Торгильса Кнутссона. Инициатором создания памятника был выборгский архитектор Я. Аренберг. Под его руководством в городе проводился сбор денег, устраивались спектакли и лотереи.

Однако когда памятник был готов, русские власти запретили его установку. Лишь после первой русской революции Николай II разрешил Городскому совету Выборга установить памятник. 4 октября 1908 г. при многолюдном скоплении горожан на площади Старой ратуши торжественно открыли памятник шведскому марскалку. Там он и простоял 40 лет.

В 1948 г. по указанию советских городских властей Торгильс Кнутссон был свергнут с пьедестала и отправлен на склад комбината благоустройства города. Там его и обнаружили сотрудники Выборгского краеведческого музея, и с 1975 г. он уже хранился в одном из подвалов замка. В 1991 г. памятник был извлечен оттуда и 2 июля 1993 г., во время торжеств в честь 700-летия основания Выборгской крепости, вновь установлен на пьедестале.

Возникает естественный вопрос, почему Великий Новгород допустил, чтобы на его территории в важнейшем стратегическом пункте Карельского перешейка шведы спокойно возводили неприступную каменную крепость? Дело в том, что в 1292 г. сын Александра Невского Андрей Городецкий вместе с князем Федором Чермным в очередной раз навели татар⁴³ на Русь. Кстати, православные иерархи позже причислили известного ордынского прихвостня Федора Чермного к лику святых⁴⁴. Надо полагать, что Кнутссон затевал свой крестовый поход в 1293 г., хорошо зная ситуацию на Руси. Татары заняли Волок Ламский и готовились оттуда идти на Новгород и Псков. Но обе республики прислали богатейшие дары Дюденю и его темникам, и татарское войско в феврале 1294 г. отправилось восвояси.

В начале 1294 г. Андрей Городецкий прибыл с дружиной в Новгород, где бояре поведали ему о затее Кнутссона. Андрей 10 марта 1294 г. отправил к «свейскому городу», то есть к Выборгу, князя Романа Глебовича⁴⁵, боярина Юрия Мишинича и тысяцкого Андреяна с отрядом новгородцев. Однако отряд был слишком мал. Дело в том, что сам Андрей Городецкий

---

⁴¹ Цит. по: Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 89.

⁴² Время его основания неизвестно, по разным источникам датируют его от XI до начала XIV в.

⁴³ На Руси этот поход называли Дюденовой ратью по имени предводителя татар Дюдены. Ущерб от Дюденовой рати был не меньше, чем от Батыевой рати.

⁴⁴ Подробнее об этом рассказано в моей книге «Русь и Орда».

⁴⁵ Роман Глебович – удельный брянский князь, сын смоленского князя Глеба Ростиславича.

отправился в поход против своего старшего брата Дмитрия Александровича и взял с собой большую часть новгородского войска вместе с посадником.

За шесть недель новгородцы добрались до Выборга, и во вторник «на похвальной неделе» пошли на штурм крепости. Но шведы уже основательно подготовились к обороне. Штурм был отбит. При этом смертельную рану стрелой получил знатный новгородец «добрый муж» Иван Клекачевич.

На следующий день начался разлив талых вод, и подойти к крепости стало невозможно. Кроме того, кони новгородцев страдали от бескормицы. В итоге воеводы решили возвращаться назад.

Шведы, воодушевленные успехом, в конце 1293 г. – начале 1294 г. покорили все карельские земли («14 погостов»). Шведы взяли город Кексгольм (по-русски – Карелу, современный Приозерск), «много язычников было там побито и застрелено в тот самый день». Интересно, что шведы называли язычниками не только язычников-карел, но и православных карел, и даже русских. В Кексгольме был оставлен сильный шведский гарнизон во главе с Сигге Лоне (новгородская летопись называет его «воевода Сиг»). Замечу, что еще около 830 г. на месте Карелы была крепость русов Бярма. Таким образом, шведы полностью взяли под контроль вуокский водный путь из Финского залива в Ладогу.

Вскоре к Кексгольму подошел отряд новгородцев и осадил крепость. Рифмованная «Хроника Эрика» так описывает захват и потерю шведами Карелы:

*Дома Кексхольма к их ногам легли,
но город христиане не сожгли.
В тот день войска язычников разбив
и стрелами немало поразив,
оставшихся в живых угнали в плен —
внутри выборгских надежных, крепких стен.
Часть христиан отправилась домой,
везя добычу славную с собой.
Их возждь уйти со всеми не успел,
не завершив в Кексхольме важных дел.
А тут внезапно русские пришли,
чтоб отомстить за стыд своей земли,
шесть дней и шесть ночей штурмуя тех,
что в крепости сражались, как на грех,
оставшись без снабженья, — и слегло
их с голоду немало. И могло,
пожалуй, только чудо их спасти
и из осады к дому отвезти.
Тогда наружу вышла шведов рать,
чтоб попытаться строй врага прорвать.
И много русских пало в том бою,
с истошным криком жизнь отдав свою.
И если шведы бой в строю вели,
враги от них бежали, как могли.
Но пали христиане в том бою —
напрасно ждут из в Упландском краю —
и Сигурд Локе тоже был убит.
Пускай Господь все души приотит
бойцов, что пали за родимый край,*

*и предоставит в их владенье рай,
а русские за их кровавый труд
пусть в ад кромешный сразу попадут!*⁴⁶

В нашей летописи сказано более лаконично: «Новгородцы, придя, крепость разметали, а Сига убили, не выпустив ни человека»⁴⁷.

Маршал Кнутссон был взбешен, узнав об уничтожении кексгольмского гарнизона, и решил захватить устье реки Невы. Но поход пришлось отсрочить из-за бракосочетания короля Биргера Магнуссона с Мартой, дочерью датского короля Эрика V.

Параллельно с агрессией в Карелии шведы занялись пиратством на Балтике. При этом они грабили не только русские суда, но и все суда, торгующие с Новгородом и Псковом. Больше всего от этого пострадали ганзейские купцы. Они пожаловались на шведов германскому императору, да и сами немцы располагали большим флотом. Поэтому в 1295 г. король Биргер прислал грамоту в город Любек, где говорилось, что шведы не будут тревожить немецких купцов, идущих в Новгород с товарами, только в угождение императору, так как для него, Биргера, эта торговля невыгодна, потому что усиливает его врагов (новгородцев). Он дает купцам свободу отправляться в Новгород, но под условием, чтоб они не возили туда оружие, железо, сталь и т. д. Кстати, во второй половине XIII в. Любек и другие северогерманские города имели для купцов гарантии неприкосновенности от шведских, датских и других правителей, действовавшие как в мирное, так и в военное время.

В январе 1300 г. германский император Альбрехт обратился к королю Биргеру с требованием обеспечения свободного плавания в Финском заливе и Неве.

Забегая вперед, скажу, что в 1312 г. воевавшие с королем Биргером его братья герцоги Эрик и Вальдемар дали Ганзе гарантии беспрепятственной торговли с Новгородом. В целом же, несмотря на урон, нанесенный шведскими пиратами торговле Ганзы с Новгородом и Псковом, ее объем в 1293–1312 гг. заметно не падал.

В начале 1299 г. маршал Кнутссон начал подготовку нового крестового похода на Русь. При этом Рим помогал ему не только морально – по традиции, римские папы обещали всем идущим на Восток отпущение грехов и всякие райские блаженства. На сей же раз Бонифаций VIII снял лучших инженеров со строительства своего дворца и замка Святого Ангела в Риме и отправил их в Швецию строить крепости на землях «русских язычников».

30 мая 1300 г. («в троицын день») около 50 шведских кораблей покинули Стокгольм. На корабли было посажено 1100 рыцарей⁴⁸, командовал ими сам правитель Торгильс Кнутссон. Флотилия вошла в Неву и стала на якорь у слияния рек Невы и Охты. В то время Охта была полноводной рекой, ширина ее в устье составляла не менее 80 метров, а глубина позволяла кораблям приставать непосредственно к берегу. Шведские корабли были поставлены в устье Охты «борт к борту и штевень к штевню».

На мысу шведы сразу же начали строить крепость, ее требовалось закончить быстро – к концу лета. Зимовать здесь с флотом Кнутссону явно не улыбалось. В шведской хронике говорится, что между Невой и Охтой был прорыт глубокий ров и заполнен водой, а надо рвом возведена стена с восемью башнями. На берегах обеих рек были возведены менее мощные фортификационные сооружения. Точных и подробных данных об укреплениях крепости нет. Но, судя по всему, башни и, возможно, часть стен, были каменными. Крепость получила название Ландскрона – «Венец Земли». Место крепости было выбрано удачно, недаром в 1611–1617 гг. шведы на том же самом месте построили крепость Ниеншанц.

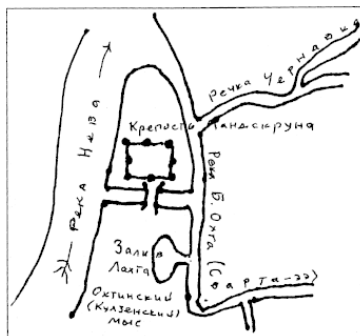
⁴⁶ Цит. по: Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 90, 92.

⁴⁷ Там же. С. 90.

⁴⁸ В это число не включены матросы, оруженосцы и т. д.

С 1869 по 1998 г. на мысе Ландскоры находилась Охтинская (позже Петрозаводская) верфь.

Пока строилась крепость, 800 шведов под командованием некоего Харальда пошли вверх по Неве и попали в Ладожское озеро (шведы называли его Белым озером). Шведы получили сведения, что на одном из островов Ладожского озера разместился отряд новгородцев, готовящийся напасть на Ландскрону. Однако когда шведы отошли от берега на 40 километров, усилился ветер и на озере поднялось волнение. Шведы едва добрались до берега – Карельского перешейка. Там они вытащили шнеки на берег и занялись привычным делом: стали грабить местных жителей – карел.

Местоположение крепости Ландскроны, построенной шведами под водительством Торгиса Кнутсона, по проекту архитектора-итальянца, посланного в Швецию папой римским в 1300 г.

Через пять дней, когда ветер стих, Ладога успокоилась, взятые с собой припасы съедены, а вся окружающая местность опустошена и разорена, шведы двинулись в обратный путь к Неве, так и не выполнив своей задачи. Отряд Харальда подошел к истоку Невы и встретил там, на расположенном в истоке Невы Ореховом острове, шведский передовой отряд, видимо, ранее посланный сюда из Ландскроны для того, чтобы контролировать вход в Неву. Харальд оставил на Ореховом острове часть своих людей для усиления стоящего здесь отряда, а с остальными вернулся вниз по Неве в Ландскрону.

Вскоре шведский отряд на Ореховом острове заметил на Ладожском озере флотилию русских судов. Шведы утверждали, что в ладьях у русских была тысяча воинов. Шведский отряд не принял боя и ретировался в Ландскрону.

Таким образом, основные шведские силы в Ландскроне были заранее оповещены о подходе русских и приготовились к бою. Однако вместо русских ладей шведы увидели плывущие на них по течению Невы большие горящие плоты. Плоты были сделаны из сухих деревьев и были «выше иного дома». Но шведские моряки не растерялись – корабли увели в устье Охты, а вход в устье перекрыли большой сосной, привязанной канатом с обеих сторон, но, по-видимому, какие-то шведские корабли все-таки сгорели. Все же атаку русских брандеров можно считать удачной – шведская флотилия была заперта в Охте и не могла противодействовать подходу русских ладей и высадке с них десанта.

Русское войско прямо с кораблей двинулось на штурм Ландскроны. В бой шло не разношерстное ополчение, какое мы привыкли видеть на картинах художников XIX–XX вв., а профессионалы – «кованая рать». Как гласит шведская хроника: «Когда русские пришли туда, видно было у них много светлых броней; их шлемы и мечи блистали».

Если шведы на Ореховом острове более менее правильно оценили численность русского войско, то защитникам Ландскроны со страху показалось, что их атакуют свыше 30 тысяч русских воинов.

Русские стремительно преодолели ров и начали бой на стенах крепости. В этот критический момент две группы рыцарей под началом Матиаса Кетильмундсона и Хенрика фон Кюрна атаковали русских с флангов. После упорного боя обе группы с потерями отошли назад, но штурм был сорван и русские войска отошли к опушке леса.

Согласно шведской хронике, через некоторое время из Ландскроны выехал совсем еще юный рыцарь Матиус Дротс, вместе с ним ехал переводчик. Толмач подъехал к русскому войску и сказал: «Здесь благородный муж, один из лучших среди нас. Он здесь в полной готовности ждет, и хочет побороться с лучшим из вас на жизнь, добро и плен. Как вы видите, он здесь близко. Если кто-нибудь из ваших его одолеет, то он сдастся в плен и войдет за вами. Если случится, что ваш будет побежден, то и с ним будет то же самое. Больше ему ничего не надо». Русские ответили: «Мы видим, что он здесь и уж очень близко подъехал к нам». Русские переговорили между собой, и князь их сказал: «Если кто-нибудь из вас хочет с ним побороться, то пусть подумает об этом. Мы видим, что он доблестный воин. Я хорошо знаю, что они посылали к нам мужа не из худших. Я уверен, что если кто-нибудь станет с ним биться, то мы получим весть, что ему пришлось плохо». Русские ратники отвечали: «Мы за это не беремся. Здесь никого нет, кто хотел бы с ним биться». Молодой рыцарь стоял и ждал до самой ночи, а затем вернулся к своим.

Тут автор, зная новгородцев, позволит себе усомниться в правдивости хроники. В новгородском войске не мог не найтись какой-нибудь Васька Буслаев, и у юного шведа возникло бы много проблем. Тем более что простодушный автор хроники здесь же замечает, что Матиус Дротс через много лет стал шведским канцлером, а от себя добавим – фактическим правителем страны при несовершеннолетнем короле Магнусе Эрикссоне. Так что Ландскрона вполне могла стать «Малой землей» престарелого канцлера.

Дальше хронист без всякого перехода сообщает, что шведы заключили с русскими перемирие на один день. Возможно, Матиус и ездил с толмачом на переговоры, а хвастливый вызов – это «остроумие на лестнице».

На следующую ночь русские скрытно снялись и ушли. Поход был предпринят одной новгородской дружиной, и для взятия Ландскроны сил явно не хватало.

Шведы тем временем достроили крепость, и в сентябре 1300 г. Кнутссон с основными силами отправился домой. В Ландскроне был оставлен гарнизон – 300 воинов во главе с рыцарем Стеном.

В устье Невы шведским кораблям из-за противного ветра пришлось простоять на якоре несколько дней. Недовольные вынужденным бездействием, Матиас Кетильмундсон и воины его отряда решили зря время не терять и заняться «полезным» делом. «И они велели свести на землю своих боевых коней», и двинулись в набег по южному побережью Финского залива, по Ижорской и Водской землям. Доблестные воины прошли с огнем и мечом по селениям води и ижоры и «жгли и рубили всех, кто им сопротивлялся». Как писал И.П. Шаскольский: «Набег не имел никаких политических или религиозных мотивов, шведские воины и не думали принуждать мирное население к повиновению или принятию католической веры; не занимались они даже грабежом (да в бедных крестьянских селениях, наверное, не было такого имущества, которое могло бы заинтересовать заморских пришельцев, – золота, серебра, ценных вещей). Это было разорение ради разорения, ради удовольствия разорять и убивать».

Насладившись убийствами и разорением незащитного мирного населения, шведские воины вернулись на корабли, и шведский флот двинулся в обратный путь в Швецию, куда он благополучно прибыл в конце сентября 1300 г.»⁴⁹.

После неудачи под Ландскроной новгородские власти наконец осознали масштабы шведской угрозы и зимой 1300/01 г. отправили послов во Владимир к великому князю Андрею

---

⁴⁹ Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л.: Наука, 1987. С. 53.

Александровичу Городецкому, третьему сыну Александра Невского. Тот не заставил себя долго упрашивать и уже в начале весны 1301 г. прибыл с дружиной в Новгород.

Весной 1301 г. в Новгород приехал посол из Любека с предложением подтвердить «старый мир и старую правду». Судя по всему, в навигацию 1300 г. шведы маленько пограбили ганзейских купцов, торговавших с Новгородом, и теперь Ганза хотела знать, нужно ли готовить караваны купеческих судов к навигации 1301 г. Заметим, что посол из Любека прибыл в Новгород сухим путем через Ливонию.

В соответствии с прежними новгородско-ганзейскими договорами ответственность за безопасность купцов на новгородской территории целиком лежала на новгородских властях. Понятно, что шведов нужно было гнать с Невы сразу после схода льда с Волхова и Невы.

На подмогу Новгороду двинулась и рать самого сильного тогда удельного князя Михаила Ярославовича Тверского. Однако Андрей Городецкий не стал ждать тверского войска, а быстро двинулся к Ландскроне.

Небольшой русский конный отряд вышел к Неве немного выше Ландскроны, предположительно в районе Литейного моста. Там русские начали рубить лес, чтобы заградить реку надолбами и не дать возможности шведскому флоту прийти на помощь Ландскроне. Отряд рыцарей во главе со Стеном выехал из крепости и попытался воспрепятствовать работе русских. Однако шведы попали в засаду и с большим трудом вернулись в крепость, при этом сам Стен получил ранение. Заграждение Невы пригодилось – шведский флот так и не пришел на помощь Ландскроне.

Андрей Городецкий, подойдя к Ландскроне, с ходу начал штурм крепости. Как гласит хроника, русские штурмовали Ландскрону днем и ночью. Русским удалось поджечь строения внутри крепости, после чего бой шел уже на стенах и валах. Когда русские овладели крепостью, уцелевшие шведы во главе со Стеном заперлись в погребе (возможно, ошибка хрониста или переводчика, и это была башня), где после недолгого сопротивления сдались.

После взятия Ландскроны возник вопрос – что делать с крепостью? Как уже говорилось, новгородцы принципиально не строили крепостей ни в устье Невы, ни на побережье Финского залива. Поэтому новгородцы сравнивали с землей Ландскрону, как сказано в летописи, «град запалиша и разгребоша». Вновь караваны купеческих судов поплыли по Неве в Новгород и в балтийские страны.

Взаимоотношения новгородцев с Андреем Городецким, который больше был озабочен сварами с братьями, а не безопасностью Руси на северо-востоке, не позволили русским пожать плоды победы в Ландскроне в полном объеме. Так, шведский историк Гиппинг писал: «Если бы русские, пользуясь одержанной победой и страхом, наведенным ею на противников, тотчас ударили на Финляндию, то, быть может, им удалось бы уничтожить не вполне еще утвердившееся там шведское господство и возвратить свои прежние владения, – и это тем вероятнее, что шведские поселенцы и гарнизоны, рассеянные в Финляндии, едва ли могли бы в то время получить деятельную помощь из Швеции, ибо там с 1304 года возгорелась между королем и его младшими братьями кровавая борьба, среди которой и знаменитый Торкель Кнутсон пал под секирою палача, после тринадцатилетнего мудрого правления»⁵⁰.

---

⁵⁰ Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. С. 89.

Глава 4

Тайна короля Магнуса

В первые два десятилетия XIV в. в Швеции обострилась политическая борьба, перешедшая в гражданскую войну. Король Биргер конфликтовал со своими братьями герцогами Эриком и Вольдемаром. Эрик погиб в этой войне, но его девятнадцатилетний сын Магнус в 1319 г. был избран шведским королем. Таким образом, разрушение Ландскроны и внутренние свары на время остановили агрессию шведов. Хотя нападения небольших отрядов на русские земли продолжались, но творили это шведские феодалы, осевшие в Финляндии, так сказать, в инициативном порядке, без санкции короля.

Захват шведами Западной Карелии и постройка там ими Выборгского замка вынудили новгородское правительство предпринять энергичные меры по удержанию под своей властью основную часть Карельской земли. Так, в 1310 г. «ходиша новгородци в лодьях и в лоивах в озеро, и идоша в реку Узьерву, и срубиша город на порозе нов, ветхый сметавше». То есть новгородское войско на судах прошло через реку Волхов в Ладожское озеро в устье реки Узьервы (Вуоксы) в Кареле, разобрало старые, обветшавшие укрепления городского детинца и построило укрепления на новом месте. По данным А.Н. Кирпичникова⁵¹, кексгольмская крепость первоначально находилась у устья реки Вуоксы, и только в 1310 г. местом для возведения новой крепости вместо «ветхой» был избран лежащий у одного из порогов Вуоксы остров, на котором и был построен «Карельский городок».

Новгородские власти, обеспокоенные шведской экспансией, пошли на нарушение традиций Новгородской республики – назначили главой администрации Карельской земли какого-то служилого князя⁵² Бориса Константиновича. «Какого-то» сказано потому, что он ни в одном летописном или ином источнике не упомянут. По-видимому, он был младшим отпрыском тверской княжеской семьи, поскольку новгородцы жаловались на него великому князю Михаилу Ярославовичу Тверскому. В этой грамоте сказано, что «Бориса Константиновича кърмил Новгород Карелою...». Присутствие в Кареле русского служилого князя с дружиной должно было обеспечить оборону города на случай нападения из лежавших рядом, захваченных шведами западных карельских погостов.

В 1311 г. новгородцы совершили большой поход в захваченную шведами часть Финляндии. «В лето 6819 ходиша Новгородци воиною на немецкую землю, за море, на Емь, с князем Дмитрием Романовичем, и переехавше море взяша первое Купецкую реку, села пожгоша и головы поимаша, а скот изсекоша; и ту убиен бысть Костянтин Ильин сын Станимировича в загоне. Потом взяша Черную реку всю, и тако по Черной придоша к городу Ванаяу [близ Тавастгуса] и взяша город и пожгоша, а Немци взбегоша на детинец – бяше бо место вельми сильно твердо, на камени висоце, не имея приступа ни откуда же, – и сослаша с поклоном прояще мира; Новгородци же мира не даша и стояша 3 дни и 3 ночи, волость труче, села великая пожгоша, обилие все потравиша, а скота не оставиша ни рога; и потом идуче взяша Кавгалу реку и Пену реку, и выидоша на море и придоша здорови вси в Новьгород».

Шведы продолжали нападать на торговые караваны в Финском заливе, на Неве и Ладожском озере. Так, в хронике города Любека сказано, что в 1311 г. любекский купец Эгбертус Кемпе был ограблен шведами на Ладожском озере и у него изъяли 23 предмета «прекрасной работы». В том же году шведы на Неве ограбили еще одно любекское судно и нанесли ущерб владельцу в 5 тысяч марок. Эх, молодцы немцы – что за пунктуальность! Разумеется, эти акции

---

⁵¹ Кирпичников А. Историко-археологические исследования древней Карели: «Карельский город» XIV в. Л., 1979. С. 55–60; Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984, с. 123–126.

⁵² Служилый князь – князь, нанятый городом для его защиты, к управлению Новгородом служилые князья не допускались.

не были ответом шведов на поход новгородцев в Карелу в 1310 г., как предполагают наши глубокомысленные историки. Это был обычный грабеж, свойственный не только шведским рыцарям, но и всем их коллегам в Западной Европе. Лишь «совковые» дамочки возмущаются в метро, когда им не уступают место, мол, перевелись сейчас рыцари. Но не дай бог им оказаться в XIV веке в окрестностях замка какого-нибудь благородного маркиза или графа!

Городские власти Любека обратились с жалобой к герцогу Эрику, который в это время контролировал Финляндию, и пригрозили экономическими и силовыми санкциями. Эрик и его братец Вольдемар оказались в весьма неудобном положении. Они только что, 15 августа 1312 г., отправили в город Любек грамоту с гарантией свободного проезда купцам из Новгорода и обратно, причем без всяких ограничений, которые шведы ранее пытались высказывать, как, например, на провоз оружия и т. д. А тут вот два судна ограбили. Благородный и справедливый герцог 3 ноября 1312 г. послал в Любек покаянную грамоту, где клятвенно обещал вернуть все награбленное владельцам и больше не проказничать. Грамота сия сохранилась в немецких архивах. Вернули ли награбленное любекским купцам, установить не удалось, но разбой шведских феодалов не прекратились.

В 1313 г. шведская флотилия прошла через Неву, Ладожское озеро и по Волхову добралась до города Ладоги. В это время ладожский посадник с городской дружиной был в каком-то походе, и шведам удалось «пожгеша Ладогу». Но из новгородской летописи не ясно, был ли сожжен только неукрепленный посад, раскинувшийся на левом берегу Волхова, или шведы захватили и сожгли обе ладожские крепости, земляную и каменную.

Между тем опыт использования служилых князей для защиты северных рубежей Новгородской земли оказался неудачным. Случилось то, чего боялись ранее новгородцы. За время пребывания в Кареле князь Борис Константинович купил себе какие-то карельские села, а другие попросту захватывал силой, то есть попытался стать в Кареле удельным князем. Мало того, он, видимо, здорово пограбил карел. Результатом его деятельности стало первое в истории восстание населения карельского Приладожья против власти Великого Новгорода в 1314 г.

Пограничные шведские феодалы не замедлили воспользоваться ситуацией и вторглись в русские земли. Шведский отряд с боем захватил город Карелу, а может быть, был впущен туда карелами.

Новгородцы еще до восстания карел выгнали с позором князя Бориса Константиновича в Тверь и даже предложили тверскому князю его судить. Новым наместником был назначен новгородец Федор. Этот Федор оперативно собрал в Новгороде сильный отряд и двинулся к Кареле. Город Карела был взят, все шведы и изменники-карелы перебиты новгородцами.

В 1317 г. шведские корабли вошли в Ладожское озеро, где у Обонежья ограбили и убили нескольких русских купцов, направлявшихся на своих судах из устья Свири через озеро к устью Волхова для проезда в Новгород. Новгородцы активно защищали свои владения и торговые коммуникации. В 1311 г. новгородское войско на ушкуях вышло в Финский залив. Им предводительствовал служилый новгородский князь Дмитрий Романович, сын служилого новгородского князя Романа Глебовича, командовавшего войском в 1294 г. в походе на Выборг.

Русская флотилия подошла к финскому побережью в районе Купцкой реки⁵³. Ушкуи прошли по реке, и далее по рекам, озерам, а где и волоком добрались до Тавастаборга. Русские три дня осаждали город, но взять не смогли и отступили. Русское войско разорило районы, населенные племенами емь, и захватило большую добычу. Согласно летописи, в одном из боев был убит знатный новгородец «Константин Ильин сын Станимировича». Однако в целом потери были невелики, и русский отряд по реке Перне благополучно достиг Финского залива, а оттуда ушел в устье Невы.

---

⁵³ Точно идентифицировать ее историки не могут. Одни предполагают, что это река Кюмийоки, другие – Купитаниоки (Kupittaanjoki), называют и другие реки.

В самом начале 1318 г. новгородцы предприняли новый морской поход. На сей раз их ладьи и ушкуи прошли в Або-Аландские шхеры и по «Полной реке» (Аурайоки) поднялись до города Або (ныне город Турку) – тогдашней столице Финляндии. 23 мая 1318 г. город был взят и основательно разрушен, в частности, был сожжен абовский собор.

Русские захватили собранный за 5 лет со всей Финляндии церковный налог, предназначенный к отправке в Рим. Затем русское войско морским путем благополучно вернулось в устье Невы и, как сказано в летописи, «приидоша в Новгород вси здорови».

В 1322 г. шведские войска из Выборга двинулись к русской крепости Карела, однако взять ее не смогли и вернулись восвояси. Набег шведов на Карелу возмутил новгородцев, и они решили покончить со шведским осиным гнездом – Выборгом. Тем временем в Новгород прибежал московский князь Юрий Данилович, которого хан Узбек лишил титула великого князя владимирского, а брат Иван выгнал с московского престола. Понятно, что московской рати у Юрия не было, разве что небольшой отряд дружинников. Тем не менее власти Новгорода поручают ему командовать войском в походе на Выборг.

12 августа 1322 г. русская флотилия подошла к Выборгу. Предместья города были преданы огню, каменный замок осажден. Шведский гарнизон устроил вылазку, но назад вернулись немногие. Шесть метательных машин русских («пороков») засыпали замок каменными ядрами. Шведы записали в своей хронике: «Георгий, великий король Руссов, осадил замок Выборг с великой силой в день святой Клары». Современные финские историки оценивают численность новгородского войска в 22 тысячи человек. Разумеется, это явный перегиб. Со страха шведам бездомный князь показался «великим королем», а каждый русский воин троллся, а то и пятирился в их глазах.

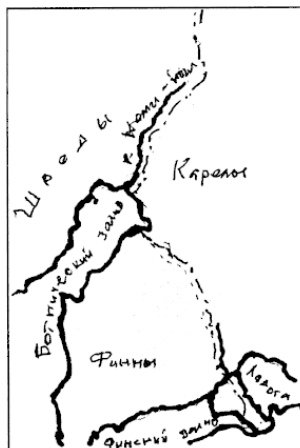
Но, увы, штурм замка, произведенный Юрием 9 октября, не удался. Наступила осень, и близился ледостав на Неве, поэтому Юрий приказал снять осаду. Русское войско с большим полном вернулось в Новгород. В первой половине 1323 г. в устье реки Невы на Ореховом острове в истоке Невы по приказу князя Юрия Даниловича новгородцы построили крепость Орешек.

В июле 1323 г. в новопостроенную крепость прибыли для переговоров шведские «великие послы» Эрик Турессон и Хеминг Эдгислассон со свитой. Новгородскую сторону представляли князь Юрий Данилович, посадник Варфоломей Юрьевич и тысяцкий Авраам. В качестве наблюдателей, а скорее всего, посредников в переговорах приняли участие купцы с острова Готланд Людовик и Фодру. Поскольку Готланд входил в состав Ганзейского союза, послы Готланда должны были представлять интересы Ганзы.

Договор, получивший название Ореховецкий, был подписан 12 августа 1323 г. В его преамбуле приводилось главное содержание договора – заключение обеими сторонами «вечного мира», подкрепленное присягой – «крестным целованием».

Крепость Орешек в XIV в. Реконструкция А.Н. Кирпичникова, В.М Савкова

Фрагмент схемы древней карты с изображением участка границы, установленной между Русью и Швецией по Ореховецкому договору 1323 г.

Согласно условиям договора, новгородско-шведская граница устанавливалась на Карельском перешейке по следующей линии: от устья реки Сестры на побережье Финского залива и оттуда вверх по течению Сестры (Систербека), вплоть до ее истоков, и далее через болото, откуда брала река Сестра свое начало, до его противоположного конца по водоразделу, вплоть до истока реки Сая, и вниз по руслу до впадения Саи в Вуоксу, а затем по Вуоксе до того пункта, где река делает крутой поворот на север и где расположен гигантский валун – «Солнечный камень».

Таким образом, граница делила пополам Карельский перешеек в направлении с юга на север и шла далее до бассейна озера Сайма, а затем до побережья Ботнического залива там, где в него впадает река Пюжайоки. Это была древняя племенная граница между карелами и финнами – сумью (суоми), и она подтверждалась и сохранялась.

За Новгородом оставались промысловые угодья на отошедшей к Швеции территории, так называемые ловища, богатые рыбой, общим числом шесть, куда должны были иметь свободный доступ новгородцы и карелы, и два бобровых ловища.

Любопытно, что в Ореховецком договоре была зафиксирована только юго-западная граница русских владений у Ботнического залива – река Патойоки. Как далеко на север простирались русские прибрежные владения, в договоре указано не было. Однако в позднейших источниках имеются сведения, где проходила внешняя (на севере и западе) граница этих владений. Русские считали своими владениями территории, принадлежащие современной Финляндии от реки Похейоки (Pöhejöki), а оттуда в западную сторону к мысу Бюрроклубб на западном берегу Ботнического залива, в приходе Шеллефтео, отсюда к северо-востоку до рек Торнео и Кеми, вверх по реке Кеми до речного мыса Рованьеми. По этим данным видно, что, согласно русской официальной точке зрения, сохранившейся к 1490-м гг., Русское государство должно было владеть не только Каянской землей – Эстерботнией, но и обоими побережьями северной части Ботнического залива или даже обеими областями, прилегавшими к северной части этого залива – Эстерботнией и Вестерботнией. Лишь при заключении Тявзинского мирного договора в 1595 г. Каянская земля (Эстерботния) отошла к Швеции.

В договоре было подтверждено право свободного проезда из Новгорода по Неве в Финский залив.

После Ореховецкого мира на границе между Швецией и Новгородом четверть века было относительно спокойно. Единственный достойный упоминания инцидент произошел в 1337 г., когда управлявший городом Карела местный феодал Валит вступил в тайные сношения со шведами и шведский отряд из Выборга захватил Карелу. Однако новгородцы сразу выслали

сильное войско, и Карела была возвращена в состав новгородских владений. После этого, на всякий случай, шведские и новгородские послы 8 сентября 1340 г. в городе Дерпте в Ливонии подтвердили все статьи Ореховецкого мирного договора.

Укрепив свою власть на шведском и норвежском престолах, король Магнус II⁵⁴ решил завладеть новгородскими землями. Поскольку поводов для войны новгородцы не давали, король решил обратиться «язычников» (русских и православных карел) в христианскую веру.

Идеологом крестового похода в Швеции стала религиозная психопатка Биргитта, настоятельница Вадстенского монастыря. Биргитта давала наставления Магнусу, призывала его к ведению «справедливой» войны для распространения христианской веры среди язычников, прямо настаивала на организации похода.

Как писала Е.А. Рыздзевская, Биргитта «происходила из знатного упландского рода; ее отец, Биргер Персон, видный государственный деятель и член совета опекунов, правивших в Швеции до совершеннолетия короля Магнуса, был одним из крупнейших шведских землевладельцев того времени. Деятельность этой честолюбивой и фанатически религиозной женщины, обладавшей литературным талантом и резко выраженной склонностью к мистике и экстазу, имела большое значение для шведской церкви XIV в. Биргитта основала Вадестенский монастырь и сочинила для него устав; ей же принадлежит инициатива перевода Библии на шведский язык»⁵⁵.

Любопытно, что Биргитта основывала смешанные монастыри, где жили монахи и монахини (примерно поровну). Согласно ее учению, вера помогала человеку «победить свою природу». Увы, мы никогда не узнаем, что творилось в этих совместных монастырях. Во всяком случае, после смерти Биргитты все смешанные монастыри были закрыты.

В 1391 г. папа римский причислил Биргитту к лику святых. Похоронена Биргитта была в созданном ею монастыре и Пирите, в нескольких километрах от Ревеля⁵⁶. Храм, где она была захоронена, разрушен в 1577 г. войсками Ивана Грозного в ходе Ливонской войны. Но это уже мало интересовало шведов, немцев и чухонцев, поскольку они к тому времени стали протестантами.

В 1718 г. в Риме откопали великолепную статую Венеры (Афродиты) – римскую копию греческой статуи III в. до н. э. находка поступила в собственность папы римского Климента XI. Слух о Венере дошел до Санкт-Петербурга. Царь Петр предложил папе за нее большую сумму. Но Климент был большой любитель древностей и женских прелестей, и категорически отказался продавать статую. Тогда Петр предложил папе обменять статую языческой богини на мощи святой Биргитты. Представляете, какое выражение лица было у Климента?! Пришлось отдать. Одно время статуя Венеры стояла в Таврическом дворце у князя Потемкина-Таврического, за что и получила название Венера Таврическая. Ныне же она находится в Эрмитаже.

Что же касается святой Биргитты, то после конфузии с Венерой римские власти о ней надолго забыли. Вспомнили о Биргитте лишь после распада СССР. (И с чего бы?) В ноябре 1999 г. Иоанн Павел II освятил в Ватикане скульптуру святой Биргитты, которую называют ангелом-хранителем Европы. В Ватикан для участия в одной церемонии прибыли 23 человека из Эстонии во главе с вице-спикером эстонского парламента Тунне Келамом. Пятиметровая статуя святой Биргитты была установлена в одной из внешних ниш базилики Святого Петра.

В 2003 г. в Швеции прошли торжества, посвященные 700-летию со дня рождения небесной покровительницы Швеции святой Биргитты (Бригитты). В торжественной службе, которая была совершена в монастыре Вадстена, основанном святой Биргиттой, приняли участие король Швеции Карл XVI Густав и королева Сильвия, а также президенты Финляндии, Лат-

---

⁵⁴ Магнус – король Швеции под именем Магнус II, король Норвегии под именем Магнус VII.

⁵⁵ Рыздзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. С. 124–125.

⁵⁶ Имеют хождение и иные версии о месте захоронения Биргитты.

вии, Эстонии и 1400 гостей из разных стран мира. На торжественное мероприятие собралось всего около пяти тысяч человек. Значительную часть приехавших составляли монахини-бригиттинки со всего мира. Проповедь о жизни святой Биргитты произнес лютеранский епископ Мартин Линд. Католический епископ Андерс Арболериус вознес святой молитвы о христианском единстве.

Итак, все возвращено на круги своя. Святая Биргитта в своем «Откровении» точно указала пути к «христианскому единству»: «начинать с увещаний, а в случае неуспеха действовать силой»⁵⁷.

Но вернемся в XIV век. Король Магнус, подстрекаемый Римом и «местной святой», собрал большое наемное войско, в значительной степени состоявшее из датских и немецких рыцарей. Войско было посажено на корабли. В 1348 г. шведская флотилия пересекла Балтийское море, вошла в Финский залив и остановилась у Березовых островов (вблизи русской границы). Обычно шведские войска при нападениях на русских использовали фактор внезапности, но на этот раз Магнус остановился на границе и отправил послов в Новгород. Послы объявили вече от имени короля: «Пришлите на съезд своих философов, а я пришлю своих, пусть они поговорят о вере. Хочу я узнать, какая вера будет лучше: если ваша будет лучше, то я иду в вашу веру, если же наша лучше, то вы ступайте в нашу веру и будем все как один человек. Если же не хотите соединиться с нами, то иду на вас со всею моею силою». Владыка Василий, посадник Федор Данилович, тысяцкий Авраам и все новгородцы, подумав, велели отвечать Магнусу: «Если хочешь узнать, какая вера лучше, наша или ваша, то пошли в Царьград к патриарху, потому что мы приняли от греков православную веру, а с тобою нам нечего спорить о вере. Если же тебе есть какая-нибудь от нас обида, то шлем к тебе на съезд», и послали к нему тысяцкого Авраама с боярами.

Русские послы прибыли к Магнусу, и тут король сменил тон и предъявил ультиматум: «Обиды мне от вас нет никакой. Ступайте в мою веру, а не пойдете, так иду на вас со всею моею силою». Русские послы отвергли ультиматум.

Флотилия Магнуса прошла Неву и высадила десант на Ореховом острове. Строители крепости в 1323 г. допустили серьезный просчет – крепость занимала лишь часть острова, и шведам удалось расположить осадные силы на самом острове у стен крепости. Часть войска Магнус приказал разделить на небольшие отряды, которым приказал грабить земли по обоим берегам Невы. Магнус приказал всех русских пленных крестить в католическую веру и брить им бороды, а отказывавшихся – казнить.

Новгородцы послали гонцов в Москву за помощью. Великий князь владимирский и по совместительству московский Симеон Гордый на словах пообещал помочь новгородцам, но сам решил не вступать в конфликт со шведами. Симеон долго собирал войско, затем медленно шел с войском. Симеон доехал лишь до села Ситно близ Торжка, а затем повернул обратно. Московские летописцы объясняли возвращение князя тем, что ему нужно было встречать послов из Орды. Вместо себя Симеон послал в Новгород своего младшего брата князя Ивана Ивановича. Дойдя до Новгорода, князь Иван остановился там и не пошел на соединение с новгородским войском, к тому времени собравшимся в Ладоге. Более того, когда в Новгороде стало известно о новом ухудшении военной ситуации и взятии шведами Орешка, князь Иван со своей ратью вместо оказания помощи новгородцам малодушно покинул Новгород, «не приняв владычня благословения и новгородчкого челобитья», и вернулся в Москву.

6 августа 1348 г. после шестинедельной осады шведы захватили Орешек. Крепость сдавалась с условием свободного выхода гарнизона. Пятистам рядовым воинам шведы дали уйти, а Кузьма Твердиславович, Авраам и восемь новгородских бояр были взяты в плен и увезены в Швецию. Тем временем 400 новгородцев под началом новгородского боярина Онцифора

---

⁵⁷ Рядзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия, IX–XIV вв. С. 125.

Лукича напали на крупный шведский отряд, разбойничавший в Ижорской земле. На Жабче поле, согласно новгородской летописи, было убито 500 «немцев», а новгородцы потеряли убитыми только трех человек. Лукич приказал казнить взятых в плен ижорцев, принявших католичество и пошедших на службу к шведам.

Шведская хроника не упоминает о числе убитых шведов на Жабче. Об этом сражении сказано лишь, что «русские скоро показали, что бороды у них опять отросли».

Король Магнус не рискнул зимовать на Неве. Он оставил гарнизон в 800 человек в Орешке и отправился в Швецию. Едва король уехал, как 15 августа у Орешка появилось сильное новгородское войско. Тысяча новгородских воинов были отправлены на «зачистку» от шведов окрестностей города Карелы. Шведов там перебили вместе с их воеводой Людкой (видимо, Людером). Вскоре шведское войско осталось только в Орешке. 24 февраля 1349 г. новгородцы пошли на штурм Орешка. Им удалось поджечь деревянные стены крепости и ряд построек внутри нее. Часть шведов сгорела, часть была перебита, а остальные взяты в плен и отправлены в Новгород.

С событиями 1349 г. связана, между прочим, любопытная запись в «Очерке русской морской истории» известного историка российского флота Федора Веселаго. Поведав о набеге 1348 г., историк пишет: «Новгородцы на следующий же год отняли крепость [Орешек], прогнали Магнуса и на месте разрушенной Ландскурны, на устье Охты, построили Новую крепость, впоследствии переименованную в Ниеншанц»⁵⁸. К сожалению, сообщение это Веселаго никакими документальными ссылками не подтвердил.

Однако в конце XIV–XV вв. при впадении Охты в Неву существовала русская деревня Новая, принадлежавшая в середине XV в. новгородскому боярину Олферию Ивановичу Офонасову. Надо ли говорить, что в то тревожное время деревня не могла не быть укреплена. Так что весьма возможно, что в небольшой крепости, построенной в 1350 г., поселились новгородцы, и через какое-то время она стала числиться деревней.

Крайне затруднен вопрос со вторым крестовым походом Магнуса II на Русь. Согласно одним источникам, он состоялся летом 1349 г., по другим – летом 1350 г., а ряд историков, включая И.П. Шаскольского, считает сведения о втором походе Магнуса вымыслом. Согласно шведским источникам, флот Магнуса прибыл к устью реки Наровы. После приближения новгородской рати флот вышел в Финский залив и почти целиком погиб в шторм. Сам же король с остатками войска добрался до Швеции. Русские же летописи молчат о походе Магнуса. Лишь в новгородской летописи под 1350 г. есть неясное и особняком стоящее сообщение: «А рать немецкая истопе (утопла) в море».

В далеком 1974 г. я в первый раз побывал в Валаамском монастыре. Собственно, тогда-то и монастырь не действовал, а в его стенах находился дом инвалидов. Кто-то из местных жителей показал мне на старом монастырском кладбище могилу со старой треснувшей плитой, сказав, что под ней покоятся останки шведского короля Магнуса II. Честно скажу, что я эту информацию пропустил мимо ушей, посчитав ее местной легендой.

Вспомнил о могиле я спустя четверть века, работая над книгой «Северные войны России». Я решил упомянуть об этой легенде и далее написать: «...а на самом деле шведский король был похоронен...» Но выяснилось, что королевской могилы в Швеции нет. Точнее, была в виде нагромождения больших камней на берегу моря, и в XIX в. туда водили туристов. Но позже, раскопав могилу, археологи пришли к заключению, что это захоронение бронзового века.

Согласно монастырским документам, Магнус спасся во время бури и объявился в Валаамском монастыре. Не исключена версия, что он поначалу был спасен русскими монахами

---

⁵⁸ Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1895. С. 38.

другого монастыря, и лишь потом прибыл на Валаам. Магнус постригся в монахи под именем Григория и умер в чине схимонаха в 1374 г. в Валаамской обители.

Так ли все было? Ряд косвенных доказательств подтверждают версию валаамских документов (среди которых был план старого кладбища с указанием расположения могил, позже монахов стали хоронить в ином месте). Однако 100-процентную гарантию можно дать, лишь проведя исследование ДНК из захоронения на Валааме, и сравнить его с ДНК останков родственников Магнуса в Швеции. Российские археологи предложили провести экспертизу шведам, но те категорически отказались.

Итак, шведское правительство поставило все точки над «і»... Король-схимник, который мог стать символом примирения Запада с Востоком, не нужен ни правителям, ни церкви. Зато востребована воинственная, хотя и не вполне нормальная в сексуальном отношении монашка.

Надо заметить, что новгородцы в борьбе со шведской агрессией не ограничивались обороной. Так, ушкуйники⁵⁹ летом 1349 г. нанесли контрудар. Их ушкуи прошли вдоль побережья северо-норвежской провинции Халогалад и напали на крупное селение и замок Бьяркей. В начале 1351 г. большое новгородское войско во главе с тысяцким Иваном Федоровичем подошло к Выборгу. 21 марта новгородцы отбили вылазку шведов и сожгли посад Выборга. Русские не взяли под Выборг осадных машин и не смогли, а, видимо, даже и не планировали, взять Выборг. Опустошив окрестности, новгородцы ушли.

В мае 1351 г. в Дерпт съехались шведские и новгородские послы и вновь подтвердили все условия Ореховецкого мира. Там же был произведен размен пленных. В 1352 г. новгородцы построили новую, теперь уже каменную, крепость на Ореховом острове.

---

⁵⁹ Ушкуйники – ватаги русских людей, преимущественно из новгородских владений. Совершали набеги на шведов, норвежцев и татар, доходили до Астрахани и границ Китая. Основное средство передвижения – морские и речные суда – ушкуи, однако хорошо дрались в пешем и конном строю. Москва с подачи Орды начала беспощадную борьбу с ушкуйниками. Царские и советские историки предпочитали не упоминать о них, а там, где избежать этого было нельзя, давали ушкуйникам резко негативные оценки.

Раздел II Шведы в Московии

Глава 1 У шведов меняется противник

После смерти Магнуса II о крестовых походах на русских в Швеции уже никто не вспоминал. Два века Швеция и Русь мирно существовали друг с другом. Хотя периодически и возникали малые войны. Все эти войны, скорее их надо называть конфликтами, были скоротечны и кончались мирными соглашениями на основе статей Ореховецкого мира, в статьи которого эпизодически вносились небольшие изменения.

В 70-80-х гг. XIV в. шведские правящие круги были слишком озабочены борьбой за власть внутри страны, и им было не до русских. Небольшие же нападения на новгородские земли совершались пограничными феодалами в инициативном порядке.

Так, в 1375 г. шведы построили крепость Улеборг (ныне финский город Оулу) на берегу Ботнического залива в устье реки Оулу. Эта территория считалась собственностью Господина Великого Новгорода, и в следующем году новгородская рать осадила Улеборг. Взять крепость русским не удалось, и в 1377 г. новгородцы вынуждены были заключить со шведами соглашение, по которому район Улеборга отошел к Швеции.

В 1392 г. шведский отряд кораблей вошел в Неву. Шведы ограбили прибрежные села от устья реки и остановились, не доходя пяти верст до Орешка. За ними погнался служилый новгородский князь Семен Ольгердович⁶⁰. Он настиг шведов и перебил большую часть их.

Эпизод сам по себе мелкий, но для нас фраза из летописи – «В тот год пришли из-за моря разбойники-Свеи в Неву, взяли села по обе стороны реки за пять верст до города Орешка» – важна как упоминание о заселенности русскими обоих берегов Невы. Ижорское населенные пункты селами в летописях не назывались.

Далее летописец бесстрастно повествует: 1395 год – «Приходили немцы Свеи к новому городу, к Яме⁶¹, и пошли прочь, и князь Константин с горожанами иных перебил, а другие убежали». 1396 год – «В том году пришли Свеи в Карельскую землю и напали на два погоста: Кюрьевский и Кюлолосский, и сожгли церковь. И князь Константин с Карелою гнался за ними, и взял языков, и прислал их в Новгород». 1397 г. – «Той осенью пришли Немцы, взяли семь сел у Ямского городка и сожгли их»⁶²

---

⁶⁰ Семен Ольгердович – сын Великого Литовского князя Ольгерда. Его литовское имя Лугвений, а православное – Семен.

⁶¹ Ям, позже Ямбург, с 1922 г. город Кингисепп Ленинградской области.

⁶² Цит. по: Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 124.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.